P 70/492

1339
И
Р 70/492
ЭБ

1706

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ
ЛУКИ и МАТВѢЯ
ВАСИЛЬЕВИЧЕЙ
ЛОСЕВЫХЪ.

706

1706.

БЫВШІЙ ЕВРЕЙ

ЗА МОНАСТЫРИ

ПРИЮДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ
ЛУКИ и МАТВѢЯ
ВАСИЛЬЕВИЧЕЙ
ДОСТОЕВЪ

МОНАШЕСТВО.

А. Алексѣевъ.

НОВГОРОДЪ.
1875.
Типографія М. СУХОВА.

Р 70/492

БЫВШІЙ ЕВРЕЙ ЗА МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО.

А. Алексѣевъ.

ф. 32-8743

НОВГОРОДЪ.
1875.
Типографія М. Сухова.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ Сентября 30 дня 1875 г.
Цензоръ Архимандритъ *Іосифъ*.

2007237483

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ настоящее время пишутъ не мало за и противъ монастырей; мы сочувствуемъ первымъ и на столько считаемъ важными монастыри для поддержанія православія въ русскомъ народѣ, что рѣшились написать относительно этого въ „Домашней Бесѣдѣ" статью подъ заглавіемъ „бывшій Еврей за монастыри и монашество."

На сколько выполнили свою задачу, судить не намъ; мы довольствуемся тѣмъ, что высказалъ о ней, болѣе насъ компетентный судья въ этомъ дѣлѣ—Г-нъ Редакторъ Домашней Бесѣды; а онъ вотъ что говоритъ ко вразумленію недруговъ монастырей: «Стыдъ и посрамленіе природнымъ христіанамъ, безумно возстающимъ на высшее проявленіе жизни духовной въ трудномъ подвигѣ монашества! Ихъ учитъ теперь бывшій еврей, а нынѣ ревностный поборникъ Православія. Ужь не начинаютъ ли приходить въ исполненіе пророчественныя слова св. апостола Павла, вразумлявшаго современныхъ ему христіанъ изъ римлянъ, которые превозносились надъ упорствовавшими евреями, и которыхъ онъ назвалъ все таки *дивіими маслинами*, а ослѣпленныхъ іудеевъ природными вѣтвями святаго корня, коихъ *силенъ Богъ паки прицѣпити?*» (*) (**).

Предлагаемъ благосклонному читателю и самую статью, полагая, что прочитать ее не будетъ дѣломъ излишнимъ.

А. А.

(*) Римл. 11 ст. 1—32.

(**) № 34 Дом. Бесѣд. 1875 г.

БЫВШІЙ ЕВРЕЙ ЗА МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО.

«Кажется, ни одна современная семейная бесѣда не обходится безъ того, чтобы не потолковали о монастыряхъ и чтобы кто нибудь не поглумился надъ ними, особенно, когда этою бесѣдою заправляетъ какой нибудь прогрессистъ. Въ виду этого-то я и рѣшился высказать свое посильное слово въ отвѣтъ на современные толки о монастыряхъ. Знаю напередъ, что не только прогрессистъ, но и тотъ, кто знакомъ съ моими статьями о современной жизни евреевъ, скажетъ, что я берусь не за свое дѣло; но мнѣ думается, что говорить о томъ, что близко сердцу и касается христіанской святыни, можетъ и долженъ каждый православный христіанинъ. И почему же не сказать? Если природный русскій человѣкъ-христіанинъ не стыдится говорить дурное о монастыряхъ, то почему же мнѣ, бывшему еврею, не сказать о нихъ правдиваго слова своего?

Прогрессисты говорятъ, что монастыри наши будтобы перестали быть тѣмъ, чѣмъ они прежде были и чѣмъ должны быть, что они не выполняютъ уже нынѣ той высокой задачи, какую выполняли древніе монастыри, не могутъ способствовать дѣлу спасенія христіанина; да и не за тѣмъ, говорятъ они, идутъ нынѣ въ монастыри, а для того, чтобъ пожить хорошо и безаботно; стало быть ради общей пользы, ихъ нужно преобразовать и приспособить къ современной жизни и потребностямъ народа. Другіе погрессисты идутъ еще далѣе: «въ наше время, говорятъ они, вовсе нѣтъ надобности въ монастыряхъ; прошла та пора, когда христіане нуждались въ нихъ; теперь слѣдовало бы замѣнить монастыри болѣе якобы полезными и болѣе необходимыми для народа учрежденіями—училищами, богадѣльнями и проч.»

Прежде всего, считаю нужнымъ оговориться, что подобный голосъ не есть голосъ народа (имѣя въ виду массу народа), а голосъ чадъ Пеава, ибо истинно православные христіане не хотятъ, не желаютъ даже слышать ничего дурнаго о св. обителяхъ и, бѣда, если имъ кто нибудь скажетъ что нибудь недоброе о нихъ. Я въ этомъ убѣдился давно, когда былъ еще невѣрующимъ іудеемъ. Однажды, какъ теперь помню, стоялъ я на улицѣ, въ кружкѣ бывшихъ единовѣрцевъ моихъ евреевъ; мимо насъ проходили богомольцы въ Кіевъ. Одинъ старый еврей-фанатикъ, желая поглумиться надъ ними, крикнулъ: «куда васъ, музиковъ то и дѣло несутъ черти,—все поди въ Кіевъ?» —«Да, идемъ туда, въ св. Кіевъ» сказалъ богомолецъ, «Богу помолиться и св. угодникамъ поклониться, которыхъ вы, жиды, не знаете, не понимаете и понять не можете.»—«А вотъ, сказалъ еврей, вашъ Кіевъ скоро провалится!»—«Какъ нашъ св: Кіевъ провалится? И ты, жидъ, смѣешь такъ говорить и желать?»—«Да, да, смѣю, желаю и оцень желаю». «Выведенный изъ терпѣнія богомолецъ подошелъ къ еврею и, поднявъ внушительнаго свойства кулакъ надъ его головою, сказалъ: «а что, жидъ окаянный, будешь кричать, что Кіевъ провалится?» Еврей струсилъ, и закричалъ: «ой вей, вей, (увы! увы!) нейнъ, нейнъ (нѣтъ, нѣтъ), не буду узе больсе такъ говорить, ни за сто не буду!»—То-то же гляди, сказалъ богомолецъ, спокойно отходя отъ него.

Я разсказалъ эту сцену для того, дабы показать, что лучшимъ и вѣрнымъ судьею о монастыряхъ можетъ быть самъ народъ, который знаетъ ихъ лучше всякаго погрессиста, рѣдко бывающаго въ св. обителяхъ, мало или даже вовсе незнакомаго съ ними и разсуждающаго о нихъ большею частію по наслышкѣ. А народъ во всеуслышаніе говоритъ, что ему дороги монастыри, что они были, есть и будутъ священны для него, что въ нихъ онъ видитъ болѣе точное исполненіе и соблюденіе уставовъ Церкви православной и всего того, что такъ дорого истинно-православному человѣку. Если современные монастыри

въ нѣкоторой степени и отступили, съ внѣшней стороны, отъ скромной обстановки древней пустынической жизни, то это нисколько не препятствуетъ имъ споспѣшествовать дѣлу спасенія и хотящій спастись можетъ и въ нынѣшнемъ монастырѣ найти надежное средство къ тому. Какъ лечебница, какова бы она ни была, приноситъ пользу обращающимся къ ней за помощію, такъ и монастыри, какъ духовныя лечебницы, помогаютъ духовно-немощнымъ, духовно-разслабленнымъ, ищущимъ у нихъ духовнаго врачеванія; а если въ эту лечебницу постоянно притекаютъ за помощію, то, значитъ, она не потеряла своего врачебнаго свойства. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти сотни и тысячи иноковъ идутъ въ монастыри для того только, чтобы пожить беззаботно? Неужели всѣ они лгутъ? А богомольцевъ, идущихъ во многомъ множествѣ въ монастыри, что влечетъ туда? Сроспте ихъ,—и они единодушно отвѣтятъ вамъ, что имѣютъ въ томъ необходимую потребность, что идутъ туда ради того, чтобы научиться въ св. обителяхъ христіанскому житію, примѣромъ котораго служатъ угодники Божіи, чтобы послушать опытныхъ старцевъ-иноковъ, и вынести назидательный урокъ и для своей жизни.

Конечно, маловѣръ посмѣется этому и непремѣнно объяснитъ цѣль посѣщенія обителей богомольцами тѣмъ, что крестьянинъ ходитъ по монастырямъ такъ-себѣ, отъ праздности. Недавно, нынѣшнимъ лѣтомъ, сидѣлъ я съ однимъ изъ такихъ господъ въ домѣ N.... Къ окну подошли мужички съ котомками за плечами и, поклонившись, попросили напиться воды. Собесѣдникъ мой, не давъ имъ перевести духу и не утоливъ ихъ жажды, обратился къ нимъ съ слѣдующею диктаторскою рѣчью: «вы куда, мужичье, направляетесь?»—А идемъ, батюшка, сказалъ скромно сѣдой старичокъ, Богу помолиться, — кто къ Сергію преподобному, кто къ Тихону Задонскому, а я вотъ иду уже въ другой разъ въ св. Кіевъ поклониться тамошнимъ угодникамъ Божіимъ.—«Охота вамъ такую даль таскаться! Лучше бы сидѣли дома въ такое рабочее время и работали, чѣмъ тратить

понапрасну время. Вы не понимаете, что время—деньги, а денегъ бросать нельзя.»—Мы, родимый, не бросаемъ ихъ; но ради денегъ оставлять все намъ дорогое не приходится; вѣдь нельзя же, батюшка, обойтись и безъ того, чтобы не сходить въ св. обитель. Ты, поди, родимый, думаешь,—продолжалъ богомолецъ,—что мы кидаемъ дѣло свое или сидимъ въ деревнѣ, сложа руки? Нѣтъ,—видитъ Богъ, что работаемъ вдоволь, да успѣха-то отъ нашихъ трудовъ нынѣ какъ-то мало: то хлѣбъ худо родится, то скотинка падаетъ; значитъ, мы много нагрѣшили. А гдѣ же и чрезъ кого искать милости Божіей, какъ не чрезъ св. угодниковъ? Вотъ мы, православные, и идемъ къ нимъ и, помолившись, получаемъ чрезъ ихъ ходатайство милость Божію. И, какъ видите, баринъ, идутъ туда люди не молодые, а старики; такимъ-то ужь пора подумать и о Богѣ и о душѣ,—да и дѣло то отъ этого не остановится. Вотъ, напримѣръ, я 70-ти лѣтній старикъ, имѣю трехъ сыновей, съ которыми наработался вдоволь на своемъ вѣку; теперь имъ легко и безъ меня справиться. Я сказалъ имъ: дѣтушки, пустите меня помолиться св. угодникамъ! Они отвѣчали: иди, родимый батюшка, со Христомъ, помолись тамъ и за насъ грѣшныхъ! Ну, и идешь и помолишься не только за нихъ, но и за весь міръ православный. Стало быть, заключилъ старичокъ, урону-то отъ нашего путешествія въ монастырь, для поклоненія св. угодникамъ, нѣтъ, а для души польза.»

Да еще какая польза-то, скажемъ мы отъ себя. Не только для богомольцевъ польза, но и для тѣхъ, у кого они бываютъ, по возвращеніи изъ монастырей. Поклонники разносятъ по православному міру много добраго, назидательнаго для души христіанина; они всюду передаютъ о видѣнномъ и слышанномъ, и какъ благотворно отзывается все это на народной массѣ!. Съ какою охотою пріемлется каждое ихъ слово! Кто изъ насъ не видалъ, какъ обступаютъ богомольца, поклонника св. мѣстъ, когда онъ появляется въ домѣ поселянина? Первая, какъ водится, хозяйка дома, давъ лишь снять ему котомку съ плечъ,

осыпаетъ его вопросами: «ты, поди, родимый, отъ угодниковъ Божіихъ?»—Отъ нихъ, голубушка, отъ Кіевопечерскихъ угодниковъ.—Разскажи же, родименькій, какъ тамъ, у угодниковъ-то Божіихъ, что ты видѣлъ и слышалъ?—И языкомъ не вымолвить, отвѣчаетъ богомолецъ, какая тамъ благодать Божія... Легко сказать, чего мы, грѣшные, сподобляемся: ходимъ по св. пещерамъ, гдѣ спасались угодники Божіи и молились за насъ грѣшныхъ. Три раза въ день бываемъ у службы Божіей; а служба тамъ, въ св. обители-то, у угодниковъ Божіихъ, долгая и куда-какъ пріятная! Православные тамъ непрестанно молебствуютъ. Трудно, родимая, передать все то, что видишь тамъ; стоишь словно не на землѣ, а на небѣ. Не разстался бы съ св. обителью, и все бы глядѣлъ на св. угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ ракахъ, какъ будто они только вчера скончались...

Слушающіе такіе разсказы то и дѣло крестятся, такъ что, глядя на нихъ, видишь, что они какъ будто переносятся сердцами своими туда, откуда слышится голосъ православнаго о христіанской святынѣ. Богомолецъ, совершивъ свою миссію въ одномъ селеніи, переходитъ въ другое, съ тѣмъ же назидательнымъ словомъ. Къ подобнымъ разсказамъ богомольцы присоединяютъ и многое другое, слышанное отъ иноковъ объ угодникахъ Божіихъ, какъ напримѣръ, подвизались они. Народъ составляетъ изъ этихъ разсказовъ памятную книгу для себя, и старательно заучиваетъ то, что ему такъ дорого и пріятно. Эта книга завѣта постоянно находится съ нимъ, утверждаетъ и научаетъ его любить и почитать св. обители. Да и любитъ же онъ ихъ!...

Да, скажетъ прогрессистъ, правда, мужички, живя въ простотѣ сердца, имѣютъ какую-то безотчетную привязанность къ монастырямъ, но современно-образованный человѣкъ не очень ихъ долюбливаетъ.—Смѣло можемъ увѣрить прогрессиста, что онъ ошибается. Истинно-просвѣщенный и образованный христіанинъ питаетъ такую же любовь къ современнымъ монастырямъ, какъ и простолюдинъ. Посмотрѣли бы вы, какъ много знат-

ныхъ особъ пріѣзжаетъ къ намъ, въ Великій Новгородъ, особенно въ св. четыредесятницу, чтобы здѣсь, по ихъ собственному выраженію, какъ въ мѣстѣ, окруженномъ святынею, достойно поговѣть.—«Я пріѣзжаю сюда,—говорила намъ одна весьма уважаемая особа, ежегодно пріѣзжающая изъ Петербурга въ Новгородъ,—чтобы здѣсь поспокойнѣе и поусерднѣе помолиться. Прежде потружусь, обхожу ваши св. обители, а потомъ ужь въ одной изъ нихъ и пріобщусь св. Христовыхъ таинъ. А у васъ въ Новгородѣ монастырей, слава Богу, много; я уже успѣла объѣздить нѣкоторые изъ нихъ, была въ знаменитомъ Юрьевѣ монастырѣ. Отстоявъ обѣдню, я приложилась къ мощамъ св. Ѳеоктиста, архіепископа Новгородскаго; оттуда поѣхала въ Сковородскій монастырь поклониться почивающему въ немъ угоднику Божію, Моисею, а къ вечерни отправилась въ монастырь Варлаама Хутынскаго; тамъ я исповѣдалась и сподобилась пріобщиться; на другой день поѣхала въ Антоніевъ монастырь поклониться св. Антонію; тутъ видѣла я и тотъ камень, на которомъ угодникъ Божій чуднымъ образомъ приплылъ сюда изъ Рима. Была и въ другихъ монастыряхъ, и—повѣрите ли,—я вынесла изъ нихъ столько назидательныхъ утѣшеній для души своей, что и передать вамъ не могу.

Вотъ вамъ взглядъ и образованнаго человѣка на монастыри,—не тождественъ ли онъ со взглядомъ простаго вѣрующаго православнаго? Да какъ иначе и смотрѣть на нихъ? Такими показались монастыри и мнѣ съ перваго же раза. Разскажу этотъ случай, хоть бы для того, дабы показать, что я не безъ основанія сдѣлался почитателемъ монастырей, и почитателемъ не фальшивымъ.

Будучи еще іудеемъ, я наученъ былъ отцомъ моимъ, ревновавшимъ къ закону, свято хранить уставъ синагоги; а синагога учитъ бывать ежедневно на общественной молитвѣ, велитъ чтить святые дни, праздники, посты и проч. и я тогда все это свято соблюдалъ. Когда я сдѣлался христіаниномъ, мнѣ тоже самое внушали и православные пастыри. Но, вращаясь

въ кругу свѣтскихъ людей, такъ называемыхъ, образованныхъ христіанъ, я замѣтилъ, что не всѣми исполняется это. Одни считаютъ лишнимъ дѣломъ бывать въ храмѣ на молитвѣ, другіе не находятъ нужнымъ соблюдать посты; даже меня увѣряли, что въ этомъ нѣтъ особенной надобности для достиженія царствія Божія. Такое равнодушіе къ вѣрѣ и уставамъ св. Церкви вначалѣ, по обращеніи моемъ въ Православіе, смущало меня; но потомъ, привыкая къ образу жизни свѣтскихъ людей, среди которыхъ приходилось мнѣ вращаться, я самъ сдѣлался равнодушнымъ къ уставамъ Церкви. Бывъ въ Москвѣ, я каялся въ этомъ приснопамятному Митрополиту Филарету. Владыка, выслушавъ меня, сказалъ: «а зачѣмъ ты берешь примѣръ съ дурныхъ? Обращайся всегда къ тѣмъ и туда, гдѣ можешь научиться доброму христіанскому житію,—съ такихъ бери примѣръ; а чтобы ты лучше уразумѣлъ правила христіанской жизни, съ которыми, безъ сомнѣнія, мало знакомъ, то съѣзди въ обитель препод. Сергія. Ты же кстати больной; помолишься ему, и онъ облегчитъ твои страданія, какъ тѣлесныя, такъ и душевныя.» Я воспользовался благимъ совѣтомъ великаго архипастыря. Пріѣхалъ въ обитель и, не зная куда голову приклонить, я подошелъ къ первой келліи и давай стучаться; мнѣ не отворили; я—къ другой,—но и тутъ тоже. Тогда я спросилъ проходящаго монаха: живутъ ли тутъ?—Какъ же, отвѣтилъ онъ, и сотворилъ молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ;» въ кельѣ послышалось «аминь,» и дверь отворилась. Вотъ тебѣ, подумалъ я, урокъ первый—входить въ домъ съ молитвою. Вошедшій со мною въ келью перекрестился, а я только поклонился. Монахъ спросилъ: «а вы, батюшка христіанинъ?—Да, недавно крестился.—Это и видно, потому что природный истинно-православный христіанинъ, входя въ домъ, ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ; это подобаетъ и вамъ дѣлать, какъ уже христіанину». Я покраснѣлъ; мнѣ стыдно стало того, что я вошелъ, подобно еврею, въ келью инока, не оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Вотъ тебѣ, сказалъ я самъ себѣ, урокъ

второй! Монахъ просилъ меня присѣсть и повелъ весьма назидательный разговоръ о св. угодникѣ Сергіѣ, о св. обители, объ иноческой жизни, такъ какъ обо всемъ этомъ, прежде всего, я и спрашивалъ у него. Каждое его простое и искреннее слово ложилось такъ плотно на душу, что у меня навертывались слезы на глазахъ. Во время собесѣдованія нашего съ нимъ, послышался монастырскій благовѣстъ. Монахъ торопливо сталъ собираться; а я, желая его еще послушать, сказалъ: «еще успѣемъ, батюшка; вѣдь теперь будутъ часы только читать...» —А вы думаете, сказалъ монахъ, что часы можно пропустить? Можетъ быть, по вашему, по мірскому сужденію, часы дѣло второстепенное въ богослуженіи; а по нашему, важно и свято все, что положено читать уставомъ православной Церкви. Пойдемте-же скорѣе; не время разсуждать теперь, поговоримъ послѣ. Вотъ тебѣ, Александръ, третій урокъ, котораго я вѣкъ ужь не забуду!... «Я, продолжалъ монахъ, самъ проведу васъ къ угоднику; иначе вамъ, какъ больному человѣку, трудно будетъ пройти; народу постоянно много въ церкви.» Мы пошли. Войдя въ храмъ, я былъ удивленъ благолѣпіемъ его и стройнымъ церковнымъ пѣніемъ; въ устахъ монаховъ оно слагалось такъ чудно, что невольно вызывало благоговѣніе и умиленіе въ душахъ предстоящихъ и молящихся. Это не наше, подумалъ я, жалобное и гнусливое пѣніе, совершающееся въ бѣдной іудейской синагогѣ, къ которой я нѣкогда принадлежалъ. Подобнаго богослуженія, надо сознаться, я не слыхалъ ни въ одной изъ приходскихъ церквей. Съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ я на множество богомольцевъ, изливавшихъ здѣсь душу свою предъ Богомъ; глядя на нихъ, у меня какъ бы невольно преклонялись разслабленныя колѣна (я пораженъ параличемъ оконечностей членовъ) и молился отъ души со всѣми предстоящими. Вотъ гдѣ мѣсто, говорилъ мнѣ внутренній голосъ, гдѣ можетъ спастись каждый, ищущій спасенія. Вотъ гдѣ можно брать христіанскіе уроки, какъ стоять на молитвѣ и какъ молиться! Вотъ оно, это священное христіанское училище, кото-

рое просвѣщаетъ и научаетъ такъ хорошо и такъ вѣрно православный народъ святой истинной вѣрѣ въ Бога и святыхъ Его! Вотъ почему прививаются такъ прочно правила св. Церкви къ простолюдинамъ, притекающимъ съ вѣрою и простотою сердца подъ кровъ обителей и къ почивающимъ въ нихъ св. угодникамъ.

По окончаніи богослуженія, монахъ повелъ меня въ трапезу. Здѣсь я былъ также удивленъ поучительнымъ и истинно-христіанскимъ обычаемъ, нигдѣ доселѣ невиданнымъ мною въ мірѣ: во все время трапезованія, одинъ монахъ читалъ во всеуслышаніе мѣста изъ Свящ. Писанія, и всѣ съ глубокимъ вниманіемъ слушали читаемое, такъ что, казалось, пища вкушающихъ составляла какъ бы постороннее дѣло, а существенною было слово Божіе. Такъ ли бываетъ, подумалъ я, за мірскимъ столомъ? И опять урокъ: *аще ясте, аще ли піете, вся во славу Божію творите.*

Предоставляемъ теперь право судить самому рьяному прогрессисту и рѣшить, но только безпристрастно:—гдѣ лучше и спасительнѣе можетъ назидаться христіанинъ—въ мірѣ, или въ монастыряхъ,—тамъ ли, гдѣ все направлено къ соблазну и вѣчнымъ житейскимъ суетамъ, или же тамъ, гдѣ тихо, спокойно и безмятежно все располагаетъ къ вѣрѣ, благочестію и къ точному исполненію уставовъ православной Церкви,—да потомъ и сказать: утратили ли современные монастыри значеніе свое?

Разсмотримъ теперь, насколько вѣрны толки и обвиненія прогрессистовъ, направленныя противъ монаховъ и ихъ жизни. Я тѣмъ болѣе считаю нужнымъ обратить вниманіе на это, что подобные толки проникаютъ нынѣ всюду въ обществѣ и вездѣ находятъ отголосокъ, даже между вѣрующими, которые, не провѣривъ словъ маловѣровъ, повторяютъ ихъ нелѣпые толки. Я недавно испыталъ это именно тогда, когда писалъ эти строки. Ко мнѣ зашелъ одинъ знакомый господинъ; заставъ меня за статьею и узнавъ содержаніе ея, онъ сказалъ: «вотъ вы ратуете за монастыри и готовы расшибаться за монаховъ; а

послушали бы что нынѣ говорятъ и даже пишутъ въ газетахъ противъ монаховъ и ихъ праздной жизни, да пишутъ не кто нибудь, а люди, знающіе ихъ бытъ,—люди, которые заинтересованы жизнію духовенства и чуть ли сами не принадлежатъ къ левитскому племени!»—Чему же вы тутъ удивляетесь, сказалъ я,—и всегда было такъ. Вѣдь на Моисея и Аарона поднимали ропотъ и обвиненіе не кое-какіе люди, а почетные израильтяне: Корей, Даѳанъ и Авиронъ,—но праведно ли было ихъ обвиненіе? Тоже самое можно сказать и объ обвиненіи монаховъ. Таковъ ужь долженъ быть удѣлъ всѣхъ подвизавшихся и подвизающихся о Господѣ: *будете*, говоритъ Спаситель, *ненавидими имени Моего ради*. Вѣдь ничего нѣтъ легче, какъ судить другаго; мы всегда видимъ спицу въ глазу ближняго, а у себя и бревна не чуемъ.—Чтожь вы хотите этимъ сказать, прервалъ меня знакомецъ, клевещутъ, что ли, на монаховъ? —А вы ужь и убѣдились, что монахи плохи, вѣря безъ разбора тому, что пишутъ въ газетахъ и забывая, что не всякому слуху надобно вѣрить? Нужно, прежде всего, испытать и узнать, дѣйствительно ли монахи такъ плохи, чтобъ можно было ихъ обвинять. Признаюсь, когда мнѣ кто нибудь говоритъ нехорошее про монаховъ, я прихожу къ той мысли, что должно быть и мы-то, современные люди, не очень хороши. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь монахъ не съ неба же свалился, а отъ насъ же изыде, изъ міра пошелъ въ монастырь. Иной, проведши большую часть жизни въ мірѣ, свыкшись со всѣми его слабостями и лишь въ преклонныхъ лѣтахъ сознавъ свою грѣховность, вздумаетъ идти въ монастырь, чтобъ спасти свою душу,—и вотъ такой-то человѣкъ, поселившись въ обители, естественно не вдругъ можетъ взойти на ту высоту христіанской жизни, на которой мы желали бы видѣть его, или же, восходя на нее, нерѣдко, по свойственной человѣку немощи, опять падаетъ. И вотъ мы, замѣтивъ въ такомъ монахѣ какую нибудь погрѣшность, начинаемъ судить и поносить уже всѣхъ монаховъ, забывая свои собственныя слабости, а не знаемъ того, что

этотъ самый монахъ, который кажется такъ предосудительнымъ, проводитъ, можетъ быть, по нѣскольку часовъ ежедневно на молитвѣ о грѣхахъ своихъ, тогда какъ мы, міряне, спимъ въ эти часы сладкимъ сномъ. Но этого, конечно видѣть не можетъ судья монаховъ; ибо такія дѣла творятся не въ очію людей; монахъ дѣлаетъ это въ затворенной клѣти—въ кельѣ.

Не знаетъ судья монаховъ и о тѣхъ многихъ лишеніяхъ жизни, которыя приходится испытывать монаху на трудномъ пути иноческой жизни. Довольно, по нашему мнѣнію, одного того съ монаха, что онъ оставивъ: міръ, близкихъ, знакомыхъ и вся, *яже въ мірѣ*, обрекъ себя на иночество.

Кто не знаетъ и того, что монаху приходится вести непрестанную борьбу съ самимъ собою? Онъ долженъ побѣждать плоть, враждующую противъ духа, убивать въ себѣ всѣ страсти, а вести такую тяжолую борьбу,—побѣждать самаго себя, дѣло не легкое. Тѣмъ не менѣе, каковъ бы ни былъ монахъ, но живя въ святой обители и имѣя предъ собою живой благой примѣръ хр. житія въ лицѣ угодника Божія и добрыя правила старцевъ-иноковъ, можетъ лучше подвизаться въ дѣлѣ спасенія, чѣмъ міряниръ. Но какъ бы то ни было, хорошъ ли монахъ, дуренъ ли онъ, а не наше дѣло судить его... Господь нашъ Іисусъ Христосъ строго воспрещаетъ намъ судить ближняго: *Не судите, да не судимы будете.* И св. апостолъ Павелъ говоритъ: *Не осуждайте другъ друга, но сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату, или соблазна.* (Рим. 14 с. 13).

Все это такъ, сказалъ мой собесѣдникъ, я согласенъ съ вами, что не должно судить ближняго, но современные монахи своею жизнію невольно вызываютъ насъ на обвиненіе.—Да въ чемъ же они такъ повинны?—Мало ли въ чемъ ихъ обвиняютъ:

Во первыхъ, что они ведутъ праздную жизнь и живутъ исключительно для самихъ себя.—Смѣю васъ увѣрить, что судьями монаховъ за мнимую праздную жизнь являются большею частію такіе люди, которые сами ничего не дѣлаютъ. Мнѣ кажется, говорить что монахи ничего не дѣлаютъ, свойственно

лишь тому, кто не считаетъ дѣломъ молитву; а кто чтетъ молитву и знаетъ, какъ монахи три раза ежедневно ходятъ въ храмъ Божій и выстаиваютъ тамъ по нѣскольку часовъ, тотъ едва ли позволитъ себѣ говорить такъ. Представьте себѣ, еслибы въ то время, когда мы говѣемъ, кто нибудь сказалъ намъ, что мы ничего не дѣлаемъ, ведемъ праздную жизнь,—мы навѣрное жестоко бы обидѣлись и отвѣтили бы ему: «какъ ничего не дѣлаемъ? Ходимъ въ церковь къ службѣ Божіей и творимъ молитву,—а это развѣ не дѣло?» Монаховъ же, постоянно посѣщающихъ храмъ Божій и выстаивающихъ при службахъ гораздо продолжительнѣе нашихъ, называемъ праздными людьми. Не забудьте, что монахи, кромѣ службы церковной, несутъ еще и разныя послушанія, и нерѣдко довольно трудныя. Однажды я видѣлъ, какъ монахи усердно работали въ обители: убирали сѣно, обработывали огороды; разъ даже удивленъ былъ, увидѣвъ какъ вся братія, не исключая и самаго настоятеля, вытаскивали изъ воды пригнанный лѣсъ для постройки, производившейся въ обители. Живо сохраняются въ памяти моей неутомимые труды монаховъ Бесѣднаго монастыря (*). Они, въ лѣтнее время, усердно работали въ полѣ и дѣлили ежедневный трудъ свой такъ: послѣ заутрени, вся братія, вмѣстѣ съ игуменомъ, отправлялись въ поле и работали тамъ до 9-ти часовъ, до обѣдни. Когда раздавался первый ударъ колокола, всѣ они отправлялись въ храмъ къ службѣ Божіей, послѣ которой, подкрѣпившись пищею и краткимъ отдыхомъ, снова отправлялись въ поле и работали до вечерни. Послѣ вечерни, они не оставались праздными и въ кельяхъ. Тоже самое могу сказать и о трудахъ инокинь; и онѣ съ неменьшимъ усердіемъ работаютъ въ своихъ монастыряхъ. Въ ихъ послушанія входитъ тоже нерѣдко тяжелый чернорабочій трудъ, и ни одна изъ монахинь не гнушается этою работою. Помнится, что когда—то печатно было заявлено о примѣрной дѣятельности монахинь. Однажды, писали въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ (чуть-ли не въ «Духовной Бесѣдѣ»

(*) Новгородской губерніи близъ Тихвина.

какая-то знаменитая особа вздумала посѣтить родственницу свою, поступившую въ монастырь. Войдя въ обитель, она увидѣла двухъ монахинь, которыя несли на плечахъ ушатъ съ водою и, не узнавъ своей родственницы, спросила: «гдѣ бы мнѣ увидѣть такую-то?—Да это-жь я самая и есть, отвѣтила монахиня.—Боже мой! воскликнула посѣтительница,—какъ же это вы могли поставить себя въ такое положеніе—носить ушаты? —Здѣсь всѣ такъ трудятся, и мы всѣ равны въ обители. Иныя старицы—монахини, живущія здѣсь давно и достойнѣйшія меня, не гнушаются самой черной работы: однѣ работаютъ въ огородахъ, другія носятъ на своихъ плечахъ известку, глину и проч.,—а я что такое, и почему бы мнѣ не трудиться? Въ монастырѣ барство и праздность нетерпимы.» Вотъ теперь и обвиняйте монаховъ въ праздности и говорите, что въ монастыряхъ ничего не дѣлаютъ!

2. Приходится еще слышать и такое обвиненіе на монаховъ: почему бы, говорятъ, не заводить монастырямъ у себя училищъ, больницъ и т. п? Слушая подобныя обвиненія и относясь сочувственно къ дѣлу народнаго образованія, я, какъ бывшій учитель, въ свою очередь, не преминулъ, при первомъ же посѣщеніи Новгородскаго Свято-Духова монастыря, предложить такой вопросъ одной весьма почтенной и образованной монахинѣ. Выслушавъ меня, она сказала: «ну родной, кажется, ужь и вы заразились странными требованіями современныхъ либераловъ, готовыхъ разрушить всѣ монастыри и настроить, вмѣто ихъ, рядъ училищъ. Вы спрашиваете, почему бы монастырямъ не завести у себя училищъ,—да развѣ тѣ монастыри, которые имѣютъ возможность къ тому, не устраиваютъ ихъ? Вотъ хоть бы здѣшній Юрьевскій монастырь,—онъ давно имѣетъ у себя школу и больницу; да и другіе Новгородскіе монастыри имѣютъ училища, даже нашъ женскій Свято-Духовъ монастырь. Монахини, которымъ приходится большею частію самимъ заработывать кусокъ хлѣба,—и тѣ набираютъ дѣвочекъ и обучаютъ ихъ грамотѣ. Даже кельи настоятельницы сдѣлались чѣмъ-то въ

родѣ школы и пріютомъ для сиротъ и бѣдныхъ, а учительницею—образованная монахиня, которая съ большимъ усердіемъ занимается съ бѣдными ученицами. Я не отрицаю, продолжала монахиня, что есть и такіе монастыри, у которыхъ нѣтъ училищъ; но не думаю, чтобы монастыри, которые искони вѣковъ содѣйствовали дѣлу народнаго христіанскаго просвѣщенія, нынѣ пренебрегали этимъ,—а если въ иномъ монастырѣ нѣтъ училища, то, стало быть, онъ не имѣетъ средствъ устраивать его. Вамъ, должно быть, извѣстно, что дѣло монастыря есть исключительно дѣло молитвы и заботъ о спасеніи души; за молитвою идутъ къ намъ въ монастырь многое—множество богомольцевъ; изъ за молитвы несутъ въ Св. Обитель Прав. умершихъ своихъ сродниковъ, будучи увѣрены, что здѣсь каждая изъ насъ, глядя на могилы погребенныхъ, помолится чаще, чѣмъ гдѣ нибудь, о спасеніи душъ ихъ. Училище же для монастыря, по моему мнѣнію, составляетъ дѣло второстепенное; но тѣмъ не менѣе обители и ихъ, какъ я сейчасъ говорила, заводятъ у себя, и только тѣ, повторяю, не имѣютъ училищъ, у которыхъ нѣтъ средствъ къ тому. У мірянъ составилось по чему-то понятіе, что монастыри очень богаты; да, нѣкоторые дѣйствительно, богаты, напримѣръ Юрьевъ, Сергіево-Троицкая, Александро-Невская и Кіевопечерская лавры и немногіе другіе; но большинство ихъ бѣдствуетъ. На ихъ-то нужды и не обращаютъ вниманія. Недалеко сказать, продолжала монахиня, нашъ Свято-Духовъ монастырь довольно благовиденъ; онъ первоклассный, а мы не имѣемъ даже общей трапезы, да и кельи-то у каждой изъ насъ куплены.—А чѣмъ же вы живете?—Право, и сами иногда удивляемся, какъ Богъ насъ питаетъ; трудимся, занимаемся разными рукодѣліями, и на выработанныя деньги покупаемъ необходимое для жизни. Есть благотворители, которые не оставляютъ насъ; инымъ родные помогаютъ. Вотъ, напримѣръ, у меня есть здѣсь братъ; онъ получаетъ хорошую пенсію, удѣляетъ и мнѣ, что можетъ. Другія сестры живутъ трудами рукъ своихъ: шьютъ и вышиваютъ

и этимъ поддерживаютъ себя; а чего не хватитъ, добрые люди помогаютъ. Право, иногда призадумаешься, какъ провести слѣдующій день, и потужишь; а по утру смотришь, точно будто тебѣ манна съ неба упала.—А отъ монастыря ничего не получаете?—Получаемъ, напримѣръ, я—рясофорная монахиня (въ большемъ постригѣ) получаю шесть руб. въ годъ.—Только-то? —А вы думали и Богъ вѣсть сколько? Другія и того не получаютъ. Повѣрьте, есть такія старушки-монахини, которыя не имѣютъ иногда и чашки чаю: съ ними-то приходится дѣлиться тѣмъ, что сама получаешь. А тутъ еще толкуютъ объ устройствѣ въ такихъ монастыряхъ училищъ!... Иные господа, какъ удавалось мнѣ слышать, говорятъ: почему бы намъ не завести въ монастыряхъ больницы и богадѣльни,—а не знаютъ того, что почти при каждомъ монастырѣ есть своего рода богадѣльни и богадѣльщицы. Вотъ и въ нашемъ Свято-Духовѣ монастырѣ есть не мало старушекъ, дряхлыхъ, больныхъ и слѣпыхъ. О нихъ нужно позаботиться, нужно свести въ храмъ, когда они просятъ о томъ; другую зимою отвесть туда на саночкахъ, а лѣтомъ—почти на себѣ. Какія же намъ нужны еще богадѣльни?»

Да, если бы это знали, да вѣдали судьи монастырей, то навѣрное поукоротили бы языкъ свой и не бросали бы словъ на вѣтеръ. . . . . .

3. Обвиняютъ еще монастыри и монаховъ въ безучастіи и равнодушіи ихъ къ мірскимъ нуждамъ. Монастыри наши, говоритъ «Ц. О. Вѣстникъ», остаются глухи и холодны къ страданію и нуждамъ бѣдныхъ и увѣчныхъ, и даже отказываютъ въ пріютѣ такимъ, которымъ некуда и головы приклонить. Это ужъ такое безсовѣстное обвиненіе, противъ котораго возопіетъ всякій православный богомолецъ. Кто же не знаетъ, что при каждомъ монастырѣ есть страннопріимный домъ, въ которомъ богомольцы могутъ всегда имѣть кратковременный пріютъ и столъ? Я посѣщалъ не мало монастырей богатыхъ и бѣдныхъ, и могу по совѣсти сказать, что вынесъ самое отрадное воспо-

минаніе о нихъ въ отношеніи гостепріимства: въ каждомъ изъ нихъ встрѣчалъ я истинно-христіанское радушіе. Но помимо моего свидѣтельства, таже самая газета нерѣдко, какъ бы противъ воли, восхваляетъ ихъ за сочувствіе къ нуждамъ мірскимъ. Одна Площанская пустынь, говоритъ «Ц. Вѣстникъ», не смотря на свои ограниченныя средства, удѣляетъ изъ доходовъ своихъ (отъ вкладовъ поминовенія и приношенія вѣрующихъ) 500 р. с. на Орловское духовное учебное заведеніе, и 200 р. с. на другія училища бѣлаго духовенства; пустыня Бѣлобережская тоже даетъ 350 р. с. въ годъ на пріюты и училища. (*) «Площанская пустынь, продолжаетъ тотъ же „Вѣстникъ", обладаетъ землею песчаною и безплодною, отъ которой не можетъ имѣть продовольствія даже для самихъ монаховъ; а между тѣмъ обитель ежегодно покупаетъ нарочно для прокормленія бѣдныхъ странниковъ и богомольцевъ, которыхъ бываетъ до 10 тысячъ, и никто не выходитъ изъ обители голоднымъ или раздѣтымъ и неутѣшеннымъ». Какъ согласить эти слова съ тѣмъ, что будто бы монастыри наши глухи къ нуждамъ притекающихъ въ нихъ? Не повторяется ли надъ редакціей упоминаемой газеты исторія лжепророка Валаама, который шелъ проклинать израильтянъ, и вмѣсто того благословилъ ихъ?...

4. Толкуютъ опять о монастыряхъ или, точнѣе, о настоятеляхъ ихъ, будто бы они, какъ пишутъ въ томъ же „Ц. Вѣстникѣ", изощряются въ томъ, чтобы привлечь къ себѣ большіе капиталы чрезъ богатыхъ богомольцевъ, на которыхъ способенъ вліять монахъ и особенно настоятель монастыря.» Трудно повѣрить, чтобы могъ говорить такъ православный! На чемъ же основаны подобные толки? Кажется, на томъ только, что нерѣдко почетнѣйшіе изъ богомольцевъ бываютъ у настоятелей, которые располагаютъ ихъ своею назидательною бесѣдою къ

(*) И мы въ свою очередь могли бы указать на многія пожертвованія отъ монастырей въ пользу училищъ и другихъ благотворительныхъ общественныхъ заведеній. Одинъ Новгородскій-Юрьевскій монастырь ежегодно жертвуетъ до 2000 руб. на разныя благотворительныя заведенія.

себѣ и къ обители. Но чтожъ въ этомъ предосудительнаго? И почему настоятелю отказывать въ пріемѣ такимъ посѣтителямъ? Кто знаетъ, какъ православные споконъ вѣка дорожили благословеніемъ и поученіемъ иноческимъ, тотъ навѣрно не станетъ осуждать современныхъ настоятелей за оказываемое ими радушіе посѣтителю, а скорѣе увидитъ въ этомъ подражаніе древнему обычаю православныхъ богомольцевъ, любившихъ посѣщать св. обители и приходить за благословеніемъ къ ихъ настоятелямъ.

Мы имѣемъ искреннее желаніе бывать у настоятелей обителей, говорили намъ не разъ поклонники монастырей, не безъ основанія. Извѣстно, что Прав. христіане привыкли начинать и оканчивать всякое доброе дѣло съ благословеніемъ: благословясь идешь въ обитель, а помолившись считаешь священнымъ долгомъ обращаться за благословеніемъ къ настоятелю обители. Вѣдь въ немъ православные поклонники представляютъ себѣ, нѣкоторымъ образомъ, того настоятеля, который положилъ начало св. обители и много подвизался въ ней для православія. Повѣрьте, продолжалъ набожный поклонникъ, что какая-то непонятная сила влечетъ тебя къ иноку; отличительный образъ жизни монашеской, уже не мало располагаетъ къ нему одинъ взглядъ на ряску и клобукъ монашескій внушаетъ къ нему уваженіе; а правила христіанской жизни, подвижничество и главное назидательныя поученія, которыя всегда можно услышать отъ подвижника инока, влечетъ въ келью его. Съ этимъ нельзя несогласиться; мы сами побывавъ разъ, другой, по обращеніи нашемъ въ православіе, у инока—настоятеля и услышавъ его назидательное слово, послужившее намъ вразумленіемъ почувствовали къ нему такую любовь, что бывало какъ увидишь монаха бѣжишь на встрѣчу ему, и ловишь съ жаждою каждое его доброе слово. Послѣ этого кажется, у недруговъ монаховъ, знающихъ хорошо, какъ чтетъ Прав. богомолецъ инока, не долженъ бы повернуться и языкъ къ осужденію настоятелей обителей за привѣтствіе, оказываемое ими посѣтителю, а равно не должно судить и тѣхъ, которые обращаются къ нимъ за поученіемъ; но нѣтъ, не призванныя судьи находятъ что говорить.

5. Чему можетъ научить современный монахъ,—сказалъ мнѣ одинъ прогрессистъ,—вѣдь въ монастырь, особенно теперь, изъ ученыхъ мало поступаютъ, а идетъ туда большею частію мужичокъ, отставной солдатъ, мало—способный чиновникъ, недоучившійся семинаристъ и т. п. И изъ этихъ-то людей иные дѣлаются настоятелями,—чему же они могутъ научить?» На все это можно бы отвѣтить коротко однимъ словомъ: что изъ тѣхъ монаховъ, которые кажутся мудрецамъ вѣка сего невѣждами, ничтожными людьми и именно потому, что они незнатны, не просвѣщенны, выходили такіе люди, ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ, что предъ этими простецами и не книжниками преклонялись сильные міра и великіе умы. Укажемъ хоть на св. Антонія Великаго: можетъ ли кто нибудь изъ прославленныхъ прежде и нынѣ богослововъ и философовъ равняться съ нимъ глубиною вѣдѣнія, мудростію изреченій, предъ которымъ изрѣченія всѣхъ семи греческихъ мудрецовъ есть ребяческій лепетъ. Но ревнителей мудрости человѣческой этимъ не урезонишь; они, какъ мы уже замѣтили, громко вопіютъ противъ настоятелей изъ неученыхъ; а такъ какъ подобные отголоски находятъ сочувствіе въ современной печати, или вѣрнѣе сказать, есть порожденіе извѣстнаго печатнаго органа и служитъ камнемъ преткновенія для многихъ, то считаю не лишнимъ передать, какъ отзываются о неученыхъ монахахъ сами ученые, живущіе съ ними и знающіе ихъ довольно хорошо. Прочитавъ одному ученому монаху разсужденіе извѣстнаго уже читателю органа, я услышалъ отъ него вотъ что: «я вотъ и ученый, а право очень часто ставитъ меня въ тупикъ своими благоразумными и истинно христіанскими рѣчами монахъ изъ крестьянъ или солдатъ, ихъ слова служатъ мнѣ часто вразумленіемъ во многомъ. Они не мудры, не сильны словомъ, но за то сильны дѣломъ. Да и то сказать, къ чему въ монастырѣ особенная ученость? Вѣдь для спасенія души въ монастырѣ не требуется защищать какую-либо ученую диссертацію; да и для поученія и назиданія другихъ въ вѣрѣ и благочестіи не нужна большая ученость. Богъ

можетъ дать премудрость и слово не словеснымъ. Подтвержденіе сему находимъ у Апостола Павла, онъ говоритъ: *буія рече міра и немощныя избра Богъ, да премудрыя и сильныя и высокія посрамитъ*. Въ обителяхъ нужна болѣе практическая и иноческая жизнь, а неученые этимъ-то и отличаются. Монахъ изъ простаго званія подъ часъ бываетъ болѣе пригоденъ для обители, чѣмъ иной изъ баричей; онъ ужь ни отъ какого дѣла не откажется и несетъ примѣрное послушаніе; для него слово настоятеля или даже обыкновеннаго старшаго монаха—священно. За это ихъ и любятъ, и дѣлаютъ нерѣдко изъ нихъ и настоятелей».

Для подтвержденія сказаннаго и, именно, того, что настоятели изъ неученыхъ, не рѣдко бываютъ болѣе пригодными, въ хозяйственномъ отношеніи, для обителей, чѣмъ иные ученые; считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующее. „Извѣстно, пишетъ О. Архимандритъ Л-ъ, самъ получившій высшее образованіе, что нѣкоторыя, обители наши приведены въ цвѣтущее состояніе не столько учеными, сколько благочестивыми, трудолюбивыми и смиренными настоятелями, преимущественно изъ купеческаго сословія, какъ знакомые хорошо еще до поступленія въ монашество, съ хозяйственною частію“ (*).

Я хотѣлъ этимъ и покончить статью мою; но мнѣ пришла на память еще одна неправда, переданная настоятельницею одного изъ женскихъ монастырей. „Самые обидные толки для обителей, сказала съ тяжелымъ вздохомъ почтенная старица,— это то, что будто бы они наполняются тунеядцами и нерѣдко отнимаютъ якобы полезныхъ членовъ отъ міра и дѣлаютъ ихъ людьми праздными. Не входя въ разсужденіе того, праздно ли мы проводимъ время въ монастыряхъ, такъ какъ объ этомъ пришлось бы очень много говорить, я предлагаю вамъ обсудить, на сколько вѣрно то, что мы отнимаемъ у міра полезныхъ членовъ и дѣлаемъ ихъ тунеядцами. Вотъ предъ вами стоитъ монахиня. Это моя смиренная келейница; она уже живетъ 20 лѣтъ въ монастырѣ и ведетъ примѣрную жизнь. Она лишилась

(*) См. Дом Бесѣд. 1875 г. Вып. 32.

въ дѣтствѣ матери; отецъ ея, отставной офицеръ, женившись на другой, привелъ ее ко мнѣ и сказалъ: «пожалѣйте, матушка, эту несчастную сироту—дочь мою; жизнь ея при мачихѣ невыносима; это меня мучитъ. Если вы ее не примете, то я кинусь съ моста въ Волховъ». Могла-ли я не исполнить такой просьбы?... Есть у насъ много сиротъ, которыя нищенствовали съ самаго дѣтства,—часто заходили за подаяніемъ и къ намъ; монастырь призрѣлъ ихъ,—что жь потерялъ отъ этого міръ—то? Можетъ быть, эти дѣти, слоняясь гдѣ попало, послужили бы лишь соблазномъ для міра; а тутъ, въ св. обители, при Божіемъ храмѣ, они избавлены отъ всего того и молятся за міръ православный. Къ тому же, они и трудятся: вотъ посмотрите, какъ они хорошо вышиваютъ (при этомъ игуменья указала и на прочихъ, сидѣвшихъ въ ея кельѣ за работою); эту работу вѣдь все намъ изъ міра приносятъ, и мы работаемъ для него. Какіе жь мы тунеядцы?.. Бываетъ опять и такъ: иной, потрудившись много въ мірѣ и для міра, сознаетъ, наконецъ, что для души очень немного успѣлъ онъ сдѣлать за житейскими хлопотами, и вотъ предъ закатомъ своей жизни, идетъ онъ въ монастырь, чтобы заготовить здѣсь хоть что-нибудь и для будущей жизни. И въ этомъ случаѣ, міръ лишаясь человѣка, такъ сказать, уже отжившаго для него, ровно ничего нетеряетъ; а монастырь пріобрѣтаетъ еще одного молитвенника за себя и за самый міръ. Вѣдь мы, живя въ обители, непрестанно молимся о мірѣ и о мирѣ его,—это наша прямая обязанность, и каждая изъ насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, тщится исполнять ее». Къ этому прибавлять, кажется, нечего; словами благочестивой настоятельницы я и заканчиваю свою статью.

А. А.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ
ЛУКИ и МАТВѢЯ
ВАСИЛЬЕВИЧЕЙ
ЛОСЕВ. Хъ.

2007237483